

Создатель «Калевалы» Элиас Лённрот родился 9 апреля 1802 г. в местечке Саммати Нюлладской губернии на юго-западе Финляндии в семье сельского портного. В те времена Финляндия была шведской провинцией. Положение финского языка и культуры было в это время критическим. Государственным языком был шведский: на нём шло преподавание в школах, издавались немногочисленные газеты и журналы, велась служба в церкви. Финского языка как бы и не существовало — в школах он не преподавался, литературы на нём не было.

Элиас Лённрот
во времена подготовки «Калевалы» к изданию.
Рисунок Г. Будковского, 1845 г.

Население чётко делилось на две группы — шведы и финны, причём это означало не столько национальную принадлежность, сколько социальное положение. Впрочем, стать шведом было не слишком трудно: достаточно было надеть городское платье, выучить язык и заниматься чем угодно, только не крестьянским трудом. Фамилии при этом рекомендовалось придать шведскую форму. Фактически, к началу XIX в. финский народ стоял перед угрозой полной его ассимиляции шведами.

По условиям Фридрихсгамского мира, которым завершилась русско-шведская война 1808–1809 гг., Финляндия отошла к Российской империи. Для финского народа это означало прежде всего надежду на длительный мир — а в мире, после многолетних войн России и Швеции, он очень нуждался. В марте 1809 г. в городе Порвоо впервые за несколько сотен лет был созван сейм, на котором Финляндия была провозглашена Великим Княжеством Финляндским и Александр I торжественно заявил сословиям Финляндии, что «отныне финский народ возводится в число наций». Финны были избавлены от многовековой угрозы быть ассилированными шведами, но финской нации как таковой в начале XIX в. ещё не существовало; она складывалась на протяжении всего столетия, и немалую роль в этом сыграли те условия, в которых развивалась Финляндия в бытность её частью Российской империи.

За сравнительно короткий период в Финляндии сложился литературный язык (а это одно из главных условий формирования нации), появилась литература, национальная валюта — финская марка. В конце концов финский народ получил культурную и политическую независимость.

Но до этого было ещё далеко: в наследство от многовекового шведского владычества Финляндии досталась полная шведизация административного управления, школьного и университетского образования, печати. Финское крестьянство в языковом отношении оставалось бесправным, в официальную жизнь финский язык ещё не имел доступа. Когда в 1814 г. двенадцатилетний Лённрот пошёл в школу, чтобы понимать учителей, ему пришлось наряду с другими предметами учить шведский язык. Помогало Лённроту то, что он рано научился читать; хозяйка соседней усадьбы будила своих детей словами: «Вставайте, сони! Элиас уже давно с книгой на дереве сидит». Но учение в школе продолжалось недолго: уже через четыре года нужда заставила шестнадцатилетнего Лённрота взять в руки

портняжную иглу. Скитаясь вместе с отцом по Финляндии (в ту пору сельские портные работали обычно на дому у заказчиков и поэтому вели бродячий образ жизни), Лённрот подрабатывал то бродячим певцом, то исполнителем религиозных песнопений, а некоторое время даже служил учеником аптекаря в г. Хямеенлинна. Латинский язык, необходимый для этой профессии, Лённрот выучил, занимаясь в школе с помощью шведско-латинского словаря.

После окончания шведской школы в г. Турку в 1822 г. Лённрот здесь же поступил в единственный в Финляндии университет. Ни до него, ни много лет после никому из его родной волости учиться в университете не довелось. В 1827 г. он написал на латинском языке диссертацию о финской мифологии, о Вяйнямёйнене, а затем продолжил обучение медицине. В 1827 г. Турку сгорел дотла, и университет перевели в Хельсинки. Получив в 1832 г. диплом врача, в начале 1833 г. Лённрот занял место районного врача в маленьком городке Каяни в Восточной Финляндии. Здесь он прожил более 20 лет, до конца 1853 г., когда был приглашён на долж-

ность профессора финского языка и литературы в университет Хельсинки. Оставил эту должность в 1862 г., Лённрот уехал в родную деревню Сааматти, где скончался в возрасте 82 лет.

Заслуги Лённрота перед финской культурой огромны, вся его жизнь — борьба за утверждение народной культуры. Помимо эпической поэмы «Калевала» и собрания лирических песен «Кантеле» и «Кантелетар», «Дочь кантеle», Лённрот выпустил сборники «Финские народные пословицы», «Финские загадки» и «Старинные финские заклинания», составил несколько словарей, сыгравших большую роль в формировании финского литературного языка — двухтомный финско-шведский и шведско-финско-немецкий толкователь, в соавторстве с другими учёными написал «Историю Финляндии» и «Историю России», составил «Юридический справочник для всеобщего просвещения». Изданы многие путевые дневники и краеведческие заметки Лённрота; некоторые из них до сих пор не потеряли своего познавательного значения. Лённрот был известен как переводчик на финский и шведский язы-

ки; переводя фрагменты гомеровских поэм на финский, Лённрот ввёл в финское стихосложение гекзаметр. Переводил он также духовные песни; многие из его переводов до сих пор включаются в книги духовных песнопений. Как врач и естественник Лённрот опубликовал труды «Домашний врач финского крестьянина» и «Флора Финляндии». Создавая данные справочники, он сочинил много слов, которые навсегда остались в финском языке.

Эпическая поэма «Калевала» — главное дело жизни Лённрота. В поисках народных рун, послуживших основой поэмы, Лённрот совершил 11 путешествий по Финляндии, Карелии, Ингерманландии (местность в современной Ленинградской области, где проживают немногочисленные потомки финно-угорских племён вода и ижора), нынешним Мурманской и Архангельской областям. Любовь к народному слову и народной поэзии отчасти объясняется семейными традициями: дед Лённрота Матти Мустапая был не только хорошим портным, но и прославился на всю ок-

ругу сочинением весёлых песенок. Отец Фредрик Юхана тоже сочинял шуточные и иронические стихи, долго остававшиеся в памяти сельчан. Дядя Кустава Хейкки был весёлым и увлекательным рассказчиком.

Фольклорная эпическая традиция лучше всего сохранилась в северной (Беломорской) Карелии, а лирическая — в Приладожской, куда впервые Лённрот съездил ещё будучи студентом университета, летом 1828 г. Результатом этого путешествия стал сборник лирических песен «Кантеле», первая книжка которого вышла в 1829 г., а последняя (четвёртая) —

Из путевых заметок Э. Лённрота

Описание северокарельской деревни Ухта

Январь 1835 г.

... На следующее утро я отправился из Ювялахти в Ухту. В этой самой богатой деревне края восемьдесят домов, большинство из них добротные. Название происходит от реки Ухут, протекающей через деревню. Я провел здесь целую неделю, усердно записывая руны и песни, которые пели мне деревенские мужчины и женщины. Самой лучшей певицей среди них оказалась некая вдова Матро. Она с вязанием в руках пела в течение полутора дней, после чего ее сменили другие, которые частично исполняли спетые Матро варианты, а также новые руны. Попутно я оказывал людям врачебную помощь, особенно на третий день своего пребывания здесь, так что, когда наступила пора уходить, из взятого с собой запаса лекарств осталось совсем немного. Но, врачуя, я извлекал выгоду и для себя: за порошки мне удавалось заполучить то подлиннее руну, то покороче. Другой платы я не брал, и поэтому тот, кто не знал песен, получал лекарство даром. Меня здесь всюду подстерегала опасность лопнуть от переедания, потому что, где бы я ни появлялся, на стол выставляли еду, и всегда приходилось есть, чтобы не обидеть хозяев. Несмотря на то что был пост, во время которого даже инаковерующим обычно не дают ничего, кроме постной пищи, меня везде угождали и маслом, и мясом, и молоком...

О встречах в северных карельских деревнях с рунопевцами

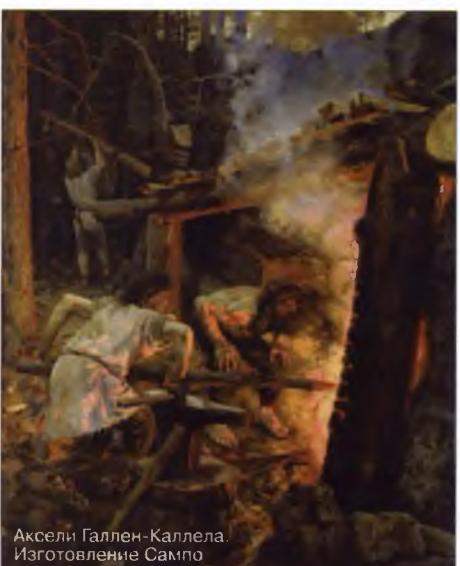
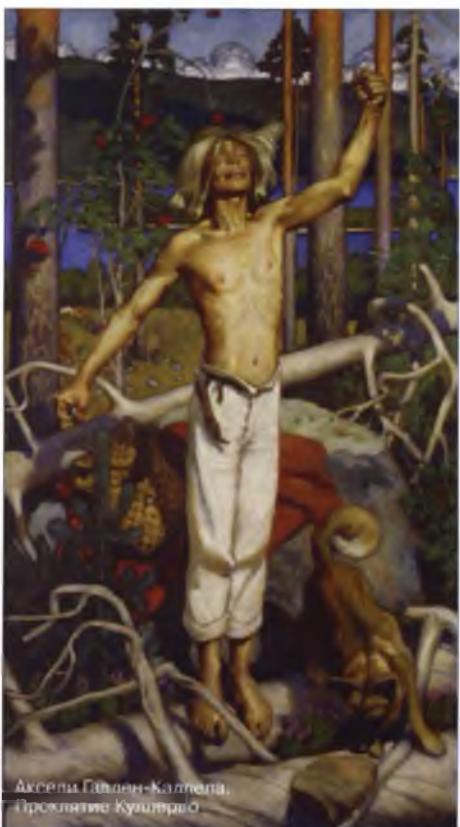
Осень 1833 г. (четвёртое путешествие Э. Лённрота

по северной Карелии)

... На следующее утро я отправился в Вуоннинен. Эта деревня находится в двух милях от Понкалахти, и добираться туда надо по озеру Верхнее Куйти. Я нанял гребцов — двух братьев: парнишку лет пятнадцати и другого, лет семи-восьми... Старший из братьев очень удивился, когда узнал, что я отправился в путь ради такого пустякового дела, как сопиранье старинных рун, а затем сам начал петь отрывки из древних рун о Вяйнямёйнене, Йоукахайнене, Лемминкяйнене и других. Заметив, что они во многом отличаются от ранее собранных мною, я начал записывать. Когда я спросил

мальчика, где он выучил эти руны, он ответил, что столько может спеть кто угодно, если не лень [этим мальчиком был Луккани Хуотари из деревни Понкалахти, от которого в 1877 г. собиратель А. А. Борениус записал целый ряд рун. — Ред.]. В это трудно поверить, но действительно, кроме малых детей, здесь не найдешь человека, который не припомнил бы отрывок из старинной руны или более новой песни, а зачастую даже могут дополнить ту, которую им зачитываешь. Я уговорил старшего «не лениться» и петь всю дорогу, обещав ему за это сверх договорной платы ещё двадцать копеек. Младший брат, тоже пожелавший немного заработать, спросил, не дам ли я ему «гроши» (двухкопеечную монету, на которой изображён всадник) за сказку, которую он расскажет. Я сказал, что дам ему и два гроша, пусть только подождёт, пока я запишу руны у старшего. Он согласился, но когда до берегов Вуоннинен оставалось версты две, а я всё ещё записывал руны, он заплакал. Мне пришлось прервать записи рун и заняться его сказкой. Ветер гнал лодку к берегу, и я велел паренькам не грести, чтобы растянуть время. Сначала я попросил мальчика рассказать всю сказку до конца, чтобы знать, стоит ли её записывать, тем более что у меня не было с собой лишней бумаги, поэтому не хотелось расходовать её на случайные записи. Затем я записал сказку и, не будь она такой длинной, поместил бы ее здесь целиком. То была сказка о дочери Сюоятар [персонаж карельских сказок, представляющий злое начало, близок к образу злой мачехи в русских сказках. — Ред.], обольстившей одного парня. Таких сказок много, они мифологические по содержанию и заслуживают того, чтобы их собирали...

Ещё в Ченаниеми мне посоветовали зайти в Вуоннинен в дом Мийны, который расположен выше по берегу, крайний слева. Сказали, что дом этот построен получше да и посостоятельней других. Говорили, правда, что хозяева немножко угрюмы и строги, но в общем то порядочные люди. Выяснилось, что неподалеку от их дома живёт известный певец Онтреи [Малинен. — Ред.] и другой — не менее известный — Ваасила [Киелевяйнен. — Ред.]. Я, стало быть, направился в дом Мийны, где застал обоих сыновей хозяина. Один из них чинил большой невод, другой шил себе сапоги, собираясь в ближайшее время по торговым делам в Финляндию...

в 1831. Путешествие 1833 г. было основной экспедицией по записи песен-рун «Калевалы»; Лённрот посетил северокарельские деревни Войница, Вокнаволок, Кивиярви (Каменное озеро), Аконлахти (Бабья губа). В этом путешествии Лённрот встретил рунопевцев Онтрея Малинена и Воассилу Киелевяйнена; последний считался в своей округе могущественным ведуном-заклинателем. Во время следующего путешествия, в апреле 1834 г., в деревне Латвайарви (Ладвазеро) Лённрот по встречался с Архипом (Архиппой) Пёрттуненом — знаменитым карельским рунопевцем, от которого записал более четырёх тысяч стихотворных строк. Это путешествие было самым коротким (всего 18 дней), но одним из самых плодотворных: за эти дни Лённрот записал более 13000 стихов.

В путешествии 1835 г. Лённрот прошёл большой маршрут по северо-восточной Карелии, посетив деревни Руго-зеро, Реболы, Юшкозеро, Ухту (ныне Калевала). Самое длительное и сложное путешествие Лённрот предпринял в 1836–1837 годах: через Ухту, Кереть, Ковду он посетил Кандалакшу и Колу на Кольском полуострове, Петсамо (Петчэнгу), всю северную часть Финляндии, затем из Каяни отправился на юг к карелам Восточной Финляндии и дошёл до северного побережья Ладожского озера. В 1841–1842 гг. Лённрот вместе с финским этнографом и лингвистом Матиасом Кастреном совершил большую этнографо-лингвистическую поездку по Лапландии.

Конечно, народную поэзию записывали и печатали и до Лённрота. В 1820 г. профессор Рейнгольт фон Беккер издал несколько рун о Вайнямёйнене (главное действующее лицо «Калевалы»), объединив их в единый цикл. В 1821–1830 годах пятью выпусками выходят «Древние руны и новые песни финского народа», которые Захария Топелиус-старший (отец знаменитого писателя-сказочника) записывал с 1803 г. Но лишь Элиасу Лённроту удалось не только собрать огромное количество народных стихов, но и объ-

единить их в единый цикл, создать поэму, равной которой можно признать лишь гомеровские «Илиаду» и «Одиссею», европейские средневековые эпосы «Старшая Эдда» и «Песнь о Нibelунгах». Сам Лённрот, оценивая свой труд, писал в частном письме: «Возможно, наши потомки оценят впоследствии такой сборник столь же высоко, сколь готы [видимо, имеются в виду скандинавы-викинги. — Ред.] «Эдду» или греки или римляне если и не как Гомера, то как Гесиода». Но «Калевала» не стала имитацией ни «Эдды», ни гомеровских поэм — и это целиком заслуга Лённрота. Знание народной поэзии, понимание самобытности карело-финской эпической традиции и близость к ней позволили ему избежать соблазна механически следовать готовым образцам.

Первый вариант «Калевалы», так называемая «Пра-Калевала», или «Перво-Калевала», была готова уже в 1833 г. Она представляла собой большой цикл эпических рун, в центре которого — старый мудрец Вайнямёйнен. Эту поэму Лённрот назвал «Собранием песен о Вайнямёйнене». В том же 1833 г. у Лённрота был готов меньший цикл рун, группировавшихся вокруг Лемминкяйнена — насмешника, женолюба и задиры, и сборник свадебных песен. «Перво-Калевала» содержала 16 глав-песнопений, уже в ней был разработан главный сюжет и конфликт, появилось сампо (там оно называлось сампу) и Похъёла (страна, где живут антагонисты главных героев), но не было Калевалы — страны, где живут главные герои. Публикация поэмы была отложена: Лённрот отправился в новое путешествие. Материалы, собранные во время этой поездки, дали возможность работать над созданием многогройной поэмы. Повествовательное ядро составили руны, сплетые Лённроту Онтреем Малиненом и Архиппой Пёрттуненом, а та последовательность, в которой Ваассила Киелевяйнен рассказал Лённроту о подвигах Вайнямёйнена, имела решающее значение для построения композиции «Калевалы».

Первое издание поэмы появилось в печати в 1835 г., сейчас в науке его называют «Старая Калевала». Текст поэмы состоял из 32 рун (12 078 стихов) и во многом был ещё неполным, недоработанным. Сам Лённрот осознавал незаконченность своего труда; но такая поспешность с публикацией имела политические причины. Во время правления Николая I в России усиливается реакция, автономное положение Финляндии ущемляется. В этой ситуации «Калевала» была воспринята не только и не столько как произведение народного искусства, сколько как источник знаний о прошлом финского народа, как доказательство того, что у него есть своя история и финская нация имеет право на существование. После выхода первого варианта поэмы финское национальное движение активизировалось; появились энтузиасты, с упоением собирающие народные руны — студенты университетов, молодые финские интеллигенты. В значительной мере и из этих собраний составится потом полный вариант «Калевалы».

Работа над ней отняла у Лённрота ещё четырнадцать лет. В 1849 г. появилась вторая, «Новая Калевала». В ней было уже 50 рун (22 795 строк), новый вариант обогатился заговорами, лирическими и свадебными песнями, появились новые герои. Интересно, что в этом издании отсутствует подзаголовок.

Название «Калевала» Лённрот по-заимствовал из свадебной песни, где жених был родом из Калевалы. В преданиях и рунах часто рассказывается о великанах по имени Калева или о сыновьях Калевы. Лённрот полагал, что Калева — это мифический образ первопоселенца на территории Финляндии, которая до этого была заселена саамами-лопарями, а карелы и финны — потомки Калевы.

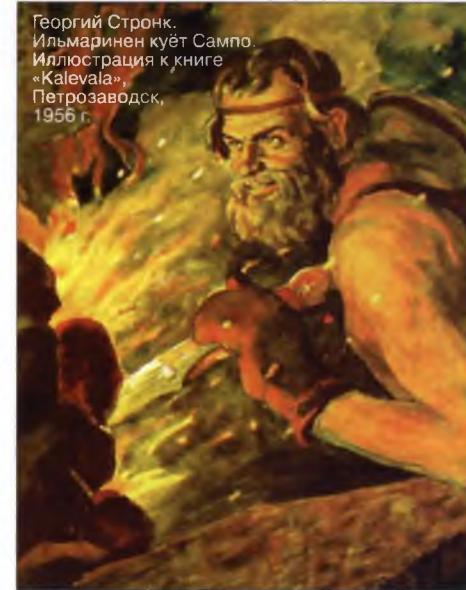
Главное действующее лицо поэмы — Вяйнямёйнен, своеобразный родоначальник народа Калевалы. В Вяйнямёйнене сочетаются черты эпического

го героя и черты демиурга, создавшего культурные ценности (рыболовная сеть, лодка, кантелье, внедрение земледелия и возделывание зерновых) и участвовавшего в строительстве мироздания («я был третьим человеком, кто опоры неба ставил, радугу воздвиг на небе, небо звездами усеял», запись от А. Перттунена). Считается, что имя Вяйнямёйнена произошло от слова, означающего «широкий, спокойно текущий участок реки в устье».

Соратник Вяйнямёйнена Лемминкяйнен — балагур, весельчак и задира, любимец женщин, стремящийся стяжать себе боевую славу. Он и могучий маг и чародей (подобно Вяйнямёйнену), и воинственный викинг, для которого битвы и завоеванные в них боевые трофеи дороже всего на свете. Ильмаринен, ещё один верный помощник и соратник Вяйнямёйнена — искусный кузнец, выковавший небосвод и сампо (сказочная чудо-мельница). Имя Ильмаринена происходит от общефинно-угорского корня *ilm-*, *ilmä* («воздух»), входящего в состав названия божеств у различных народов этой языковой семьи. В народно-поэтической традиции эпический герой Ильмаринен сохранил ряд присущих небесному божеству черт, и в то же время Ильмаринен — мифологический персонаж, соотнесённый с представлениями о первом кузнеце, не только выковавшем небо и удерживающий его мировой столп, но и о культурном герое, создавшем различные рабочие инструменты, женские украшения и даже кантелье.

Начинается «Калевала» с сотворения мироздания (в первых двух рунах рассказывается о том, как из осколков снесённого уткой яйца появляется мир, и о рождении Вяйнямёйнена от матери воды). В третьей и четвёртой рунах рассказывается о поединке Вяйнямёйнена и Йоукахайнена (в народной традиции он либо соратник Вяйнямёйнена, либо шаман из противостоящего ему рода). Побеждённый Йоукахайнен обещает в жёны Вяйнямёйнену свою сестру Айно, но та, не желая выходить замуж за Вяйнямёйнена, бросается в море. Далее сюжет поэмы выстраивается как про-

тивоборство между двумя странами — Калевалой и Похъёлой. Основное место в ней занимают истории о сватовстве к деве Похъёлы то Вяйнямёйнена, то Ильмаринена.

Отдельное место занимает цикл рун о Куллерво (песни 31–36). Два рода — род Унтамо и род Каллерво — ссорятся между собой. Из рода Каллерво в доме Унтамо остаётся мальчик Куллерво, и Унтамо продаёт его в рабство Ильмаринена. Жена Ильмаринена, отправив его пасти скот, дала Куллерво хлеб с запечёенным внутри камнем. Куллерво сломал об камень свой нож и отомстил хозяйке, пригнав домой вместо коров хищных зверей. Те загрызли её, и Куллерво убежал в лес, где нашёл своих родителей и узнал, что его сестра пропала. По велению отца отправившись платить дань роду Унтамо, Куллерво на обратном пути соблазняет свою сестру, не зная, кто она. Открывшаяся правда заставляет её броситься в реку, а Куллерво отправляется мстить. Уничтожив всех жителей Унтамо, он находит своих родственников мёртвыми и в отчаянии убивает себя.

Куллерво — персонаж, нехарактерный для эпоса. Это трагический герой, который борется против зла внутри своего сообщества, в отличие от главных героев, ведущих борьбу против враждебной Калевале Похъёлы и стремящихся привести к счастью всех людей. Вся история Куллерво — это иллюстрация того, как пагубна вражда и раздоры между членами одного сообщества.

Центральный образ поэмы — сампо, сказочная чудо-мельница, у которой с одного бока — мукомолка, со второго солемолка, с третьего — деньгомолка. Ильмаринен выковал сампо как выкуп за Вяйнямёйнена, попавшего в плен к Лоухи — хозяйке Похъёлы, это зачлось ему, когда он пришёл свататься к деве Похъёлы. В конце концов она ему достаётся в жёны, но сампо остаётся в Похъёле и обогащает эту страну. В рунах 39–43 рассказывается о том, как Ильмаринен, Вяйнямёйнен и Лемминкяйнен отправляются в поход за сампо, игрой на кантелье Вяйнямёйнен

Степаніе Лесонен –
внучка исполнителя рун
Варажонта Сиркайнена,
деревня Венехъярви.
Фото Самули Паулахарью,
1915 г.

Педри Шемейкка,
известный охотник
и рунопевец, родился
в Суистамо, жил позднее
в Иломантси.
Фото Самули Паулахарью,
1907 г.

погружает в сон всех жителей Похъёлы, и сампо увозят на лодке в Калевалу. Проснувшись и узнав, что сампо увезли, Лоухи пытается остановить грабителей и в конце концов отправляется в погоню за ними, превратившись в огромного орла. В ходе битвы Лоухи с калевальцами сампо разбивается и падает в море. Часть осколков от сампо остаётся в море, превратившись в морские богатства, а часть выбрасывается на берег, став сокровищами земли Суоми (Финляндии). В народной традиции образ сампо связан с представлением о мельнице-самомолке, мельющей зерно не только для повседневного потребления, но и про запас и даже для продажи. В образе такой чудомельницы воплотились надежды бедного карельского крестьянства на безбедную жизнь и благополучие.

Заканчивается «Калевала» историей о девушке Марьятте, которая забеременела, съев ягодку брусники, и родила мальчика. Вяйнямейнен осудил того на смерть, но полумесячный мальчик держал речь против его неправедного суда. Мальчика крестят и называют Королём Карелии, после чего Вяйнямейнен уплывает на лодке, предсказав, что ещё понадобится своему народу.

Такое окончание глубоко символично. История о непорочном зачатии и рождении младенца недвусмысленно отсылает читателя к Евангелию; о том, что под этим маленьким крещёным ребёнком, которого называют «королём Карелии», подразумевается Иисус Христос, говорит и сходство имён Марьятты и Марии, и само непорочное зачатие, и рождение ребёнка в конюшне. Эта аллегория означает, что время языческой, древней, безгосударственной Карелии прошло, эпоха Вяйнямейнена закончилась. Но если другие классические эпосы часто имеют трагический финал, то Лёинрот не рисует картины гибели языческого мира. Вяйнямейнен уплывает на медном челне, но он оставляет своему народу руны, кантели и знание о прошлом.

кие-то более древние, какие-то более поздние. В поэме велика роль различных заклятий и заговоров. Само исполнение рун в народе носило магический характер: беломорский сказочник М. М. Коргуев говорил, что во время бури на море он и другие певцы начинали петь руны, чтобы успокоилось море. Изредка встречаются загадки.

Любой эпизод «Калевалы», сравниенный с народными источниками, отличается от них. В некоторых рунах Лёинрот, отправляясь от фольклорных мотивов, существенно перерабатывал их – и здесь уже речь должна идти об авторском творчестве Лёинрота. О том, что такое сампо и как его делают, певцы знали мало, а пели не больше десяти строк – Лёинрот же рассказывает о нём на многих страницах. «Калевала» перестаёт быть фольклором и становится литературой там, где циклы рун об одном герое соединяются, где появляется претензия на объединённость всех 50 рун. Сам Лёинрот писал о своём труде, что «в конечном итоге, когда ни один пример какого-либо отдельного певца уже не соответствовал количеству собранных мною рун, я посчитал, что имею такое же право, каким пользуются большинство рунопевцев – объединять руны в таком порядке, каком они лучше всего подходят друг к другу». Лёинрот создал произведение, народное по духу, но авторское по своим творческим принципам; как заметил М. Горький, «Лёинрот был гениальный народный поэт... Он не передавал народных легенд, а воссоздавал их, потому что сам был народ».

Целостная композиция, которую создал Лёинрот, обладает новыми эстетическими свойствами. Картина мира, представленная в Лёинротовской «Калевале», по сравнению с фольклорными рунами более упорядочена. В устной традиции действие разворачивается всецело в мифологическом времени, в вечном «сейчас», а действие поэмы Лёинрота вытянуто от прошлого к будущему, хотя герои её в возрастном отношении даны так, как они живут в фольклорной традиции. Вяйнямейнен всегда стар и мудр, Лемминкяйнен – молод. События «Калевалы» происходят и в мифологическом (циклическом) времени, и в историческом, каждое следующее событие обусловлено предыдущим.

Основное содержание поэмы – не рассказ о воинских подвигах, как в «Эдде» или в «Илиаде». Героика «Калевалы» мифологическая, борьба ведётся ещё с мифологическими чудовищами, причём не столько оружием, сколько заклинаниями. Это отличает «Калевалу» от эпосов других народов; по своему содержанию «Калевала» ещё более архаична, чем древнейшие эпосы, получившие письменную форму много веков назад. Особенность «Калевалы» в том, что в ней поётся не о государстве и о вождях, а о народе, его быте и мировоззрении. В «Калевале» нет даже упоминания о каком-либо государ-

стве»; герои поэмы — рыбаки или земледельцы, при надобности берущиеся за оружие. «Калевалу» можно назвать поэмой о труде, в ней отразилось в основном крестьянское мировоззрение.

Песни «Калевалы» историчны, но не политически, а этнографически. Если мифическая страна Калевала бесспорно является прообразом Карелии, то Похъёлу помещали то в Прибалтике, то на острове Готланд, то в Лапландии; сам Лённрот видел в ней легендарную Биармию. То, что в «Калевале» Похъёла отождествляется с исторической Лапландией, говорит лишь о том, что во времени записи рун у большинства певцов преобладало такое представление. Скорее всего Похъёла, страна мрака — название для любой чужой земли, и в этом отразилась ещё одна черта архаического мышления. Оно делит весь мир на две половины — «мы», «наше», «своё» и «они», «чужие», «враги». «Мы» живём в центре земли, в упорядоченном, человеческом мире. Понятие «люди» употреблялось древними племенами как самоназвание. «Они» живут в мире чужом, непонятном, опасном, тёмном. «Они» — это все чужаки, которые воспринимались как нечисть: демоны, карлики, колдуны, великаны, от которых нельзя ожидать добра.

«Калевалу» можно определить как поэму с мифическим содержанием, излагаемым эпически; вся обстановка действия, всё мировоззрение героев «Калевалы» пронизаны архаичностью, мифологизмом. Из всех известных эпосов «Калевала» с наибольшим правом может называться эпосом мифологическим.

«Калевала» — произведение эпохи финского национального пробуждения. К началу XXI в. «Калевала» выдержала больше двухсот изданий, переведена на более чем 50 языков. Нередко говорят, что для финского народа «Калевала» явилась как бы «входным билетом», по которому он занял подобающее место в содружестве культурных наций. В XIX—XX веках «Калевала» оказала огромное влияние на развитие национальной культуры Финляндии, самых разных её областей — литературы и литературного языка, драматургии и театра, музыки и живописи и даже архитектуры. Для финских неоромантиков XIX в. «Калевала» стала символом национальной культуры.

Сразу после выхода «Калевала» встал вопрос об её связи с Карелией. В нашей стране, а тем более за рубежом укоренилось представление о «Калевале» как о финском эпосе; в России её ещё называют «карело-финский эпос». Между тем это представление не совсем соответствует действительности; «Калевала» — произведение, практически полностью основанное на рунах, записанных Лённротом на территории России, в Беломорской Карелии. Рунопевческая традиция в этих местах продолжает бытовать, хотя ещё во времена Лённрота рунопевцы жаловались ему, что руны в народе помнят всё меньше и меньше. В XX веке в СССР вышло многотомное собрание «Старые и новые руны Карелии». Интересно, что «Калевала», в свою очередь, оказала влияние на народную традицию; выйдя из народа, она в народ и вернулась: рунопевцы воспринимали её как образец. Это мо-

жет служить ещё одним доказательством подлинной народности поэмы. Карельские лирическая и обрядовая традиции сохранились лучше; в глухих деревнях северной Карелии и в Ингерманландии до сих пор поют лирические и свадебные песни.

В Карелии сейчас остро стоит вопрос о формировании литературного языка. Фольклорное наследие при этом должно сыграть особую роль: при не прочности литературной традиции значение фольклора возрастает, опора на народный язык и народную культуру становится тем более необходимой. Следует помнить о том, что руны, составившие «Калевалу», пелись не на финском, а на карельском языке. «Калевала» как литературная эпопея может послужить материалом для создания литературного языка; «Калевала» как народный эпос может послужить примером вепсам при создании ими своего эпоса; так, например, эстонский эпос «Калевипоэг» и латышский «Лачплесис» были созданы эстонцем Ф. Крейвальдом и латышом А. Пумпурой на основе фольклорных преданий.

Благодаря «Калевале» и труду Лённрота у финского народа появилась своя история. Рождение такой поэмы в кризисный для Финляндии момент лишний раз доказывает, что только через народное творчество нация может обрасти себя. ■

Анна РОХЛИНА,
редактор «НТ»

В статье использованы
работы Э. Г. Каргу и материалы
сайта www.kalevala.ru

Свадебный обряд
в Беломорской Карелии.
Невеста кланяется
и просит прощения за грехи.
Фото И. К. Инха, 1894 г.

